

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 130.2

ФОРМЫ НАСИЛИЯ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ТЕРРОРИЗМА

А.В. АРТЮХ
К.Е. МЮЛЬГАУПТ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

В статье выявлены основные формы насилия в культуре традиционализма, современности и постсовременности, предложена культурно-историческая типология форм взаимовлияния насилия – терроризма.

Ключевые слова: насилие, терроризм, экстремизм, традиционализм, постсовременность.

Культурно-антропологические метаморфозы насилия в истории, его актуальные практики и поиск ответа на вопрос о каком-то окончательном определении терроризма сегодня со всей ясностью поднимают вопрос о типичном в «навязчивых» феноменах насилия и терроризма. Как мы уже показали, уже в психологических определениях терроризма значится такая его характеристика как повторяемость, циркуляция страха, говорящая о типичном. В содержательном плане терроризм был определен нами как одна из форм насилия, с указанием на ее конкретно-историческую особенность в виде цели – биополитического насилия как суверенного контроля над жизнью. При этом сама диспозиция терроризма, по нашему глубокому убеждению, с течением времени изменялась и в настоящее время уже не сводится к противостоянию государства и его оппонентов, а включает в себя отдельных людей, сообщества и государства. Одним словом, дискурс о терроризме с необходимостью должен включать в себя исторический аспект или генеалогический, по аналогии с археологией мысли М. Фуко. Но это должен быть не только смысловой анализ содержания понятия «терроризм», но динамика форм насилия, восходящих от жертвоприношения как архетипа к современному терроризму, позволяющая создать культурно-историческую типологию терроризма.

В качестве отправной точки такой генеалогической стратегии мы позволим себе обратиться к существующим типологиям терроризма, чтобы затем на основе их анализа наметить собственную типологию терроризма как одной из форм насилия в ее исторической перспективе. Для начала обратимся к авторитетному мнению коллектива исследователей под руководством известного исследователя терроризма Ю.М. Антоняна, которые понимают под терроризмом: «... относительно массовое, исторически изменчивое, уголовно-наказуемое явление, характеризующееся совершением умышленных преступных действий с целью вызвать страх и панику, с выдвиганием различных требований»¹. Со ссылкой на В.В. Лунеева приводится упоминание о видах терроризма, к которым относят политический, уголовный, националистический, «воздушный» и международный. Даже на первый взгляд такая типология обнаруживает свою несостоятельность в силу

¹ Этнорелигиозный терроризм. Под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2006. – С.11.

того, что политический терроризм может носить международный характер и быть «воздушным» по причине совершения теракта в воздухе. Сами авторы издания «Этнорелигиозный терроризм» предлагают другую типологию: политический, государственный, этнорелигиозный, общеуголовный, военный, «идеалистический», партизанский².

Безусловно, авторов типологии в большей степени интересует этнорелигиозный терроризм, который далее они определяют через категории подавления и уничтожения национальных и религиозных групп на основе мотивов «торжества нации» и (или) религии, а также «реализации национальных и религиозных идей»³. Отметим, что далее оговаривается возможность и иных мотивов участия в этнорелигиозном терроризме, представителей различных этнических групп и религий и даже неверующих, но центральной идеей будет этнорелигиозная. И здесь, прежде всего, возникает вопрос об основании объединения этнического и религиозного компонентов определения в один. Достаточно обратиться к определениям понятий «нация» и «религия», чтобы понять, насколько различны лежащие в основе идеи. Религия, как некоторая связь со сверхъестественным, как правило, за исключением национальных религий, универсальна. Даже наиболее активный в современном мире террористический проект или движение, который черпает свои идеи в радикальном исламе, скорее интернационален, чем национален.

Верно также то, что в действительности часто происходит объединение национального и религиозного терроризма, однако типология стремится к четкой определенности и выявлению общего. Если же в нашем случае таким общим считать не содержание «реализации ... идей» (мы опустили слова «национальных» и «религиозных»), то остается сама идея как таковая, любая идея, которая ведет, мотивирует к терроризму. Более того, авторы определения подразумевают под этнорелигиозным терроризмом различные сепаратистские выступления, в которых терроризм выступает уже как метод в борьбе национальных и религиозных групп с суверенным государством, а не групп между собой. В пользу первого, о приоритете именно такой диспозиции, которую мы связываем с эпохой модерна, поскольку эта эпоха и есть время образования национальных государств, по крайней мере, на территории Европы, говорит также отсутствие различия между этносом и нацией. Этнос имеет множество определений. Среди них существуют такие, которые связывают его с идентичностью, коллективно признанной, устойчивой системой культурных различий, восходящей к работам П. Бергера, Т. Лукмана, К. Гирца. В.А. Тишков также связывает понятие этноса с культурной идентичностью, которая понимается как самоидентичность во взаимодействии с другими группами людей⁴.

Другую точку зрения, которую можно отнести к «эссенциализму» озвучивает Ю.В. Бромлей, предлагая обзор дефиниционных признаков «этноса»: «... в целом среди наших специалистов явно преобладает представление об этносе как социальном явлении в широком смысле этого слова. Вместе с тем и в рамках этого общего подхода к пониманию природы этноса в его конкретных дефинициях имеются немалые расхождения. Одни авторы, например, в качестве главных признаков этноса называют язык и культуру, другие добавляют к этому территорию и этническое самосознание, некоторые указывают, кроме того, на особенности психического склада; в этом же ряду подчас отмечаются антропологические особенности; включается в число этнических признаков и общность происхождения, а также государственная принадлежность»⁵. Не останавливаясь на достоинствах и недостатках этих подходов, отметим, что преобладающий в современной науке конструктивизм активно обращается к культурной обусловленности этничности⁶ и не говорит в данном контексте о государстве. Государство есть неперменный дефиниционный признак нации. Как отмечает Э. Хобсбаум современный смысл этого слова возник сравнительно недавно, в XVIII веке⁷ и однозначно был связан с возникновением нацио-

² Этнорелигиозный терроризм. Под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2006. – С.14.

³ Там же. С.15.

⁴ Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003.

⁵ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса М., 1983. – С.20.

⁶ См. Римский В.П. Отложенные кризисы этноидентичности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. 2011, № 20(115), Выпуск 18. – С.359-367.

⁷ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. – С.10.

нальных государств, то есть таких государств, которые объединили множество этнических групп. То есть концепт этно-национального терроризма довольно точно отражает ситуацию именно эпохи модерна, ситуацию возникновения национальных государств и борьбы этносов как между собой за главенство в этом государстве, так и борьбу этнических групп с уже существующими государствами (национально-освободительное движение).

К этому терроризму Брюс Хоффман относит многочисленные террористические образования постколониальной эпохи. Хоффман относит к этнонациональному терроризму только эти движения, которые выстраиваются вокруг сепаратистской борьбы этнических групп с государством в то время, когда последние уже сложились. Вторая мировая война создала возможность пересмотреть глобальное мировое устройство, утвердившееся после Первой мировой войны и колониальные границы европейских держав. На наш взгляд здесь сталкивается внешнее и внутреннее, государства и сепаратисты или же этничность и национализм, которые нельзя рассматривать отдельно. Это также стоит понимать как «прибавочную часть» политической составляющей дискурса о терроризме, поскольку конвертация терроризма в борьбу за свободу и обратно происходит достаточно легко и зависит от признания и номинирования.

Именно поэтому собственно националистический компонент мотивации терроризма также нельзя списывать со счетов, отдавая приоритет этническому. Как показали Э. Балибар и И. Валлерстайн, националистическая идеология, мобилизация людей этими идеями сохраняет значение и после образования государства и не только внутри него⁸. Потому этнические террористические образования всегда стоит рассматривать во взаимодействии с национальным компонентом как локального, так и глобального, борьбы в рамках «мирсистемы» за влияние, в которой еврейская или алжирская этнонациональная мотивация терроризма не может быть автономной и самостоятельной.

Остается также вопрос о том, насколько этнонациональный терроризм распознается в более широкой исторической перспективе, поскольку факты однозначного его определения затрагивают только время после Второй мировой войны и территорию стран третьего мира, то есть колониальные территории. Более «глубокая древность» европейской истории национального определения должна включать в себя события буржуазных революций, которые, как правило, интерпретируются иначе. Так в работе того же Б. Хоффмана мы находим характеристику террора времен Великой французской революции как политического и неразрывно связанного с политикой государства⁹. Террор здесь отождествляется с политикой государства, но замалчивается, что террор выступал как инструмент национального строительства. Политика террора осуществлялась с одной стороны под давлением стихийного народного насилия, спонтанных вспышек насилия, а с другой отождествление правительства с народом, что мы встречаем в речах Робеспьера¹⁰, довольно определено говорит в пользу того, что идеи, как определяющий фактор в классификации терроризма, были националистическими. Как показал Дж. Агамбен, своеобразным «человеком без места», фигурой настолько универсальной, но в то же время пустой, что она может репрезентировать собой все общество в целом, были городские низы. Именно их требования были требованием народа и требованием террора одновременно. Демифологизация революционного террора этого периода ставит под вопрос «выдуманную идентичность» современных национальных государств, то есть само их основание, которое оказывается насильственным. Сам источник легитимной власти национальных государств вырастает из террора и террористических движений эпохи модерна, прочно связавших терроризм и государство.

Скорее всего, насилие, понимаемое как терроризм, не может быть вне политики, поскольку всегда представляет собой попытку суверенного контроля над жизнью. К примеру, так определяется политический терроризм у Д.В. Ольшанского: «... террористические действия разного рода, имеющие целью оказать влияние на политических лидеров,

⁸ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004. – С.97-98.

⁹ Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003. – С.8.

¹⁰ См. Бачко Б. Как выйти из Террора? Термидор и революция. М., 2006.

власти или властные решения. В отдельных случаях политический терроризм направлен на устранение неугодных политических лидеров – в том числе и ради изменения политического строя в целом»¹¹. Но собственно политическим терроризмом можно считать только тот, который центральным своим смыслом признает только борьбу за власть или как вариант с властью. Определяющим тогда будет такая диспозиция терроризма, которая будет включать себя в качестве оппонентов политические партии, политически мотивированные группы и государство. В этом случае наиболее приближенным к этой форме будет «левый» терроризм наиболее известный по деятельности «Красных бригад» и «Фракции красной армии» (RAF), а также русский революционный террор начала XX века. И те и другие своей целью определяли свершение революции, изменение государственного строя.

Интересный аспект идеологии русского терроризма начала прошлого века состоит в том, что в обосновании своей деятельности революционеры-террористы опирались на миф Великой французской революции. У того же Заичневского мы находим следующее упоминание: «Мы изучали историю Запада, и это изучение не прошло для нас даром; мы будем последовательнее не только великих революционеров 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах»¹². Но это вторичная мифологизация, поскольку и сами французские революционеры мифологизировали свои собственные основания, предпочитая мыслить себя наследниками римской республики. Анализ этой мифологизации, предпринятый Х. Арендт в работе «О революции», показывает, что причиной тому была необходимость легитимизации власти через поиск основания. А такое основание они могли найти только в прошлом, но не прошедшем средневековом, поскольку радикальный разрыв с традицией не позволял это сделать, а в Античности¹³. Миф основания, который воплощался в практике революции, как реальное основание нового государства, построенного на новых основаниях, нуждался в собственной истории, власть нуждалась в основах, изобретении общности в которую еще предстояло поверить. И Арендт называет в качестве таких миф об Энее и миф о Ромуле и Реме, функционирующие в строгом смысле психоанализа как сознательное и бессознательное. Миф об Энее как основателе Рима через договор, правда заключенный после войны, как пра-образ гражданского мира после революции, и миф об основании Рима братьями ромулом и Ремом как скрывающаяся «изнанка» революции, братоубийство как необходимое преступление космического масштаба, запредельное насилие, террор, скрывающийся за «фасадом» закона, легитимной власти. Здесь же присутствует мотив жертвоприношения как универсальной модели основания или кризиса, искупительной жертвы в ситуации внутригруппового конфликта.

Таким образом, политизация этого терроризма времен ранней Европы и есть его мифологизация. А он, революционный террор эпохи модерна, в свою очередь воспроизводит свою мифологию, которая сегодня также присутствует в некоторых работах по проблеме терроризма. Так Д.В. Ольшанский отмечает тот факт, что истоки терроризма восходят к глубокому прошлому. Как модель рассматривается библейский сюжет о «Казнях Египетских»¹⁴. Там же мы находим упоминание о терроре времен Римской империи – практике децимации, казни каждого десятого бежавшего солдата. Равно как примеры из ранней истории ислама, относящиеся к движению хашашинов или еврейской истории с упоминанием о зилотах. Брюс Хоффман рассматривает эти и другие примеры в качестве предистории религиозного терроризма¹⁵. Мы оставим в стороне вопрос о том, стоит ли считать эти факты истории терроризмом. Ведь сама этимология слов, приводимых Хоффманом, лишь частично соответствует смысловому полю современного понятия терроризма. Более очевидным является мифологизация терроризма, историю которого пытаются усмотреть в глубокой древности. А также момент изменчивости насилия во времени

¹¹ Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб., 2002. – С.19.

¹² Там же.

¹³ Арендт Х. О революции. М., 2011. – С.273.

¹⁴ Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб., 2002. – С.29.

¹⁵ Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003. – С.105-106.

и зависимость форм насилия от культуры. Так если преобладающий религиозный характер средневековой культуры обуславливал слитость террористического насилия с религиозной войной (мы специально оговоримся, что будем использовать концепт террористического насилия вместо терроризма, оставляя за последним конкретный смысл, сложившийся в XIX начале XX века), то Новое время вносит политические и националистические смыслы и обуславливает проникновение террористического насилия в революцию. Естественно, мы останавливаемся на типичном, пытаюсь выявить общее, некоторую закономерность, сознательно исключая факты присутствия религиозного в целом ряде явлений, которые можно считать террористическими в эпоху модерна или этнические и политические в эпоху традиционных обществ периода предшествующего модерну. Можно даже считать фактор идеологического обоснования террористического насилия вторичным по отношению к самим формам насилия, которые гораздо более устойчивые и определенные. Так в качестве примера достаточно показательным будет исследование терроризма смертников, проведенное С.И. Чудиновым, который показал, что среди террористических актов с участием смертников только незначительная их часть принадлежит религиозным террористическим группам, а большая светским, как например «Тигры освобождения Тамил Илама» с официальной идеологией марксизма-ленинизма¹⁶. Из всего их многообразия с достаточной определенностью можно выделить лишь войны и революции в качестве форм, подвергшихся деструкции или проникновению со стороны террористического насилия, которое, в свою очередь, мы возводим к архетипу жертвоприношения.

В то же время остается вопрос о формах террористического насилия в современности, поскольку большое количество исследователей говорят о «новом терроризме», отличающемся от прежнего, свойственного модерну. Хоффмайстер предлагает считать таковым международный терроризм, связанный с преодолением границ государств и регионов, с активным использованием средств массовой информации, которые позволяют апеллировать к мировой аудитории ради достижения своих целей. Началом этого терроризма он предлагает считать 22 июля 1968 года, когда произошел террористический акт, связанный с захватом палестинскими террористами организации Народного фронта освобождения Палестины самолета израильской авиакомпании «Эль-Аль»¹⁷. Марк Сейджман в работе «Сетевые структуры терроризма» датирует появление нового терроризма временем после окончания войны в Афганистане, в ходе которой сформировались предпосылки для возникновения глобального террористического движения, мотивированного салафитской идеологией обновленчества, идее всемирного джихада против Запада¹⁸. Иначе говоря, простое совершение террористического акта на территории другого государства не является показателем принципиально иного терроризма, который ставит своей целью борьбу с конкретными политическими силами в лице того или иного государства. Это все еще прежний терроризм эпохи модерна в его сепаратистской вариации, порожденный широким национально-освободительным движением после Второй мировой войны. Действительно новый терроризм возникает из сообщества интернационального, принципиально не привязанного к одной нации, государству. Принцип организации сообщества связан с религиозной идеей, носящий универсальный характер обновления ислама в его радикальной версии. Более того, в качестве целей новое террористическое движение не преследует борьбу с каким-либо определенным государством. М. Сейджман пишет о «ближнем» и «дальнем враге», понимая под последним США, но часто синонимом цели является абстрактный Запад, западноевропейская цивилизация. И это уже действительно качественно новое явление, когда противостояние осуществляется не на уровне национальных государств и поддерживаемых ими групп, а на уровне сообществ с государствами. Подчеркнем, что не отдельным государством, что уже было, а именно государствами. Национальными государствами как «воображаемыми сообществами» (Б.

¹⁶ Чудинов С.И. Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама). М., 2010. – С.44.

¹⁷ Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003. – С.77.

¹⁸ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М., 2008. – С.64-65.

Андерсон) и другими сообществами, столь же «воображаемыми», но скрепленными уже по иным принципам и иными механизмами.

М. Сейджман отмечает принципиальную новизну глобального терроризма по сравнению с предшествующим этапом исламского терроризма и терроризма вообще. Он пишет о том, что из этого нового терроризма следует исключить всех немусульманских и мусульманских террористов, ставящих своей целью борьбу с собственными правительствами, то есть государствами. На основе эмпирического исследования он показывает, что новый тип террориста не укладывается в прежние объяснительные схемы, объяснявшие возникновение явления противостоянием бедного юга и богатого севера¹⁹. Ни психические отклонения, которых Сейджман не нашел, ни социальные факторы подобно отсутствию перспектив в жизни не играют решающей роли на формирование этого типа. Он отмечает реальное влияние относительной депривации как отсутствие интегрированности в те сообщества, которые их окружали. Типичной ситуацией для большинства было состояние отчужденности²⁰.

Марк Сейджман описывает эмоциональное состояние террористов новой формации как индивидов выпавших из традиционных сообществ, образуемых семьей, друзьями детства, школьным сообществом и т.д. Это в высшей степени партикуляристичная фигура еще и в том смысле, что окружающая их культура также поддерживает индивидуализм, стимулирует автономность. И здесь возникает вопрос, подходит ли данное описание к другим людям современного общества, не только мусульманского Востока, но и Севера, если оперировать географическими локализациями. Не есть ли это метафоричная смена теплого и холодного социолога Тённиса, упоминаемая С. Московичи, когда от теплого взаимодействия на основе кровнородственных и дружеских уз мы переходим к холодному сообществу рациональных индивидов, связанных все больше формально: «С переходом от традиции к модернизму на рынок выбрасывается множество анонимных индивидов, социальных атомов, лишенных связей между собой. Этот сдвиг немецкий социолог Тённис описал с помощью замечательной метафоры перехода от теплого – естественного и непосредственного, основанного на кровных узах сообщества соседей, от родственности убеждений – к холодному, искусственному конгломерату и принуждению, базирующемуся на согласии интересов, на выгодах, которые одни могут получить через других, и на логике науки»²¹. Это общая ситуация, свойственная современной культуре, характеризуемая через концепты массы и массового человека не только С. Московичи, но еще ранее Х. Оргета-и-Гассетом, А. Грамши, Э. Канетти, Г. Лебоном и другими. Причем в исследовании массы всегда присутствовал мотив насилия, порождаемого толпой, и часто насилия революционного. Это своеобразный «стихийный полюс» массового человека, тогда как «организованный полюс» составляет война как упорядоченное движение масс. Отметим, что и то, и другое осуществляется в рамках государства. и перечисленные нами выше исследователи массы говорили о массе в границах национальных государств. О глобальной массе уже говорил Ж. Бодрийяр, о массе вообще как импловивной субстанции социального. Что если современность характеризуется именно импловивностью терроризма в противовес эксплозивности войны и революций модерна?

М. Сейджман отмечает, что в условиях индивидуализированного общества и выпадения человека из традиционных сообществ вновь образованные дружественные связи лежали в основе прихода в террористические организации. Это возврат к «теплым» связям по Тённису, тем более, что другой тип связи составляют родственные отношения и уже потом отношения ученичества и приход в религиозные сообщества. Происходит действительно импловия социального которая подобна схлопыванию, самозамыканию, циклированию первичных эмоциональных связей: «Эти примеры показывают, что резерв потенциальных моджахедов состоит из мелких групп близких друзей, родственников, верующих и учеников, которые тесно связаны друг с другом. Благодаря этому они знают близких друзей друг друга, которые тоже становятся частью этой группы. Это обеспечивает крепкую социальную сплоченность, основанную на общности взглядов и преданно-

¹⁹ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М., 2008. – С.84, 85.

²⁰ Там же. С.107.

²¹ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 2011. – С.23.

сти, а также глубокое чувство общины наряду со взаимной эмоциональной поддержкой. Группа становится самодостаточной и замкнутой на себе»²². Такая «плотная» структура отношений внутри сообщества обрекает ее на замкнутость, но сопутствующие ей «слабые связи», то есть контакты между членами сообщества с другими людьми, не являющимися близкими друзьями, позволяет образовывать сеть глобального террористического движения.

Таким образом, возникающая структура подобна ризоме, корневищу в том смысле, который вкладывает в этот концепт Ж. Делез. Ризома выстраивает сквозные отношения в существующих иерархиях современного общества в обход партикулярным отношениям. В силу этого новый терроризм не только имеет сложную сетевую структуру, сопротивляющуюся уничтожению со стороны государства, но в качестве своих объектов выбирает уже не государство как таковое. Террористическая ризома действует на другом уровне, можно сказать, что она мало чувствительна к формальной организации в силу своих же связей. Предполагаемой целью, противником являются скорее идеи, смыслы, воплощенные в реальности, подобно знанию Всемирного торгового центра или Пентагону. Исходя же из форм насилия, человек массы, отформатированный и спрессованный тотальными эмоциональными связями в террористическое сообщество несет противоречивое насилие, которое можно назвать синтетическим в том смысле, что оно соединяет спонтанную революционность масс и жесткую структурированность войны. Потому современный терроризм есть деградация этих форм, он проникает в эти формы и разрушает их, паразитирует на иерархиях и надстраивается над массами.

Список литературы

1. Арндт Х. О революции. М., 2011.
2. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса М., 1983.
4. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 2011.
5. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб., 2002.
6. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М., 2008.
7. Бачко Б. Как выйти из Террора? Термидор и революция. М., 2006.
8. Римский В.П. Отложенные кризисы этноидентичности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. 2011, № 20(115), Выпуск 18. – С.359-367.
9. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследование по социально-культурной антропологии. М., 2003.
10. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.
11. Чудинов С.И. Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама). М., 2010.
12. Этнорелигиозный терроризм. Под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2006.

FORMS OF VIOLENCE AND CULTURAL-HISTORICAL TYPOLOGY OF TERRORISM

A.V. ARTUKH
K.E. MULGAUPT

*Belgorod State National Research
University*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

The paper reveals the main forms of violence in the traditionalist, modernist and postmodernist cultures. It also discusses the cultural and historical typology of the forms of interrelation between violence and terrorism.

Key words: violence, terrorism, extremism, traditionalism, postmodernity.

²² Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М., 2008. – С.129.